

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

РОДОПЛЕМЕННОЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ТЕХНОЛОГИЯХ СОВРЕМЕННЫХ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» (на примере Ливии)

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности использования родоплеменного и религиозного фактора для свержения «неугодных» западноевропейским странам политических режимов (на примере свержения М. Каддафи в Ливии). Проанализировано социально-экономическое состояние Ливии в результате реализации политического проекта Джамахирии, внутренние и внешние причины вооруженного противостояния оппозиции и правительства, результаты внешнего военного вмешательства во внутренний конфликт, современные последствия фактора трибализма в постреволюционных событиях.

Ключевые слова: теория «управляемого хаоса», «цветные революции», трибализм, радикальный ислам, авторитаризм, демократия, процессы глобализации.

Technologies of Modern «Color Revolutions»: Congeneric and Religious Factors (as Exemplified by Libya)

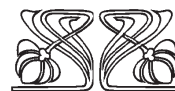
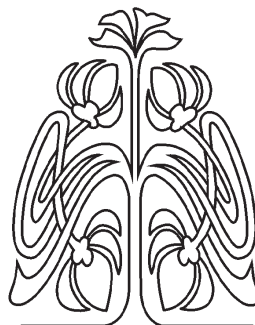
A. A. Vilkov

The article considers peculiarities of using tribal and religious factors as tools of deposing political regimes that are undesirable for West European countries (as in the case of overthrowing of M. Kaddafi's power in Libya). The author analyzes social and economic situation in Libya in the wake of political project of Jamahiriya implementation, intrinsic and extrinsic reasons of armed stand-off between the opposition and the government, results of extrinsic military intervention in internal conflict, contemporary consequences of tribalism within postrevolutionary events.

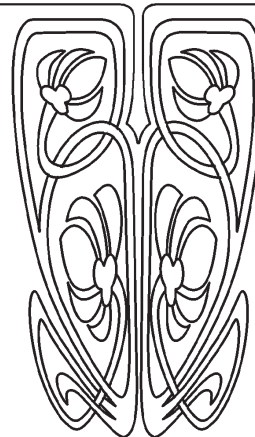
Key words: theory of «controlled chaos», «color revolution», tribalism, radical Islam, authoritarianism, democracy, processes of globalization.

Использование этнического и религиозного фактора в проведении «цветных революций» является одним из самых противоречивых по своим непредсказуемым результатам. С одной стороны, их использование помогало расшатывать и свержать казавшиеся самыми устойчивыми автократии в странах, имевших самые стабильные социально-экономические показатели. С другой стороны, последствия революционных переворотов тех или иных режимов оказывались слишком далекими от тех целей, которые публично приписывали борцам с авторитарными режимами западноевропейские страны. Политики и общественные деятели данных стран, обосновывая свою поддержку оппозиционным движениям в авторитарных странах, апеллировали к тому, что они ведут борьбу против господства тирании за установление политической системы на принципах и ценностях свободы и демократии.

Концептуальной основой технологий «цветных революций» стала теория «управляемого хаоса», основанная на стремлении США обеспечивать свои национальные интересы и решать свои геополитические задачи с помощью «усиления эксплуатации критичности», «содействия демократии и рыночным реформам», «вытеснения традиционных ценностей и идеологии»¹. Практическим пособием для организаторов «цветных революций» стали работы основателя Обще-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ственного института им. А. Эйнштейна Д. Шарпа, которые были переведены на десятки языков и многократно переиздавались за последние десятилетия. Изложенные в них методы «ненасильственного сопротивления» представляют собой хорошо апробированные способы создания «управляемого хаоса» для свержения действующих правительств в самых различных странах (чего, например, стоит метод № 185 «политически мотивированное изготовление фальшивых денег»²). Об эффективности использования модели «управляемого хаоса» свидетельствует опыт многочисленных «цветных революций» на постсоветском пространстве («революция роз» в Грузии 2003 г., «оранжевая революция» на Украине 2004 г., «тюльпановая революция» в Киргизии 2005 г. и ее второе издание как «дынная революция» 2010 г., «Евромайдан» на Украине 2013–2014 гг.).

Однако в целом ряде случаев технологии «управляемого хаоса» дали сбой с точки зрения конечных результатов. Особенно непредсказуемыми стали последствия «цветных революций» в ходе так называемой «арабской весны», т. е. в тех странах, в которых важнейшую роль в общественной жизни играют родоплеменные отношения, этнический и религиозный факторы.

Одним из наиболее наглядных примеров таких противоречивых последствий использования родоплеменного и религиозного фактора в технологии «цветной революции» являются события последних лет в Ливии. До захвата власти М. Каддафи в 1969 г. в стране было родоплеменное устройство (на территории страны проживало более 140 племен) с номинальной королевской властью. Страна была разделена на три провинции – Феццан (Феззан), Киренаика и Триполитания, каждая из которых имела свои существенные исторические племенные особенности и социально-экономические интересы. Укрепляя свои позиции, М. Каддафи с помощью финансовых и военных привилегий привлек на свою сторону знать наиболее крупных и воинственных племен и жестоко подавил сопротивление нелояльных племен. Его единовластное правление на протяжении нескольких десятилетий было нацелено не только на строительство Джамахирии как ливийской модели социализма, но и на формирование единой ливийской национальной идентичности за счет урбанизации, распространения грамотности, масштабного строительства, общенациональных проектов (самые амбициозные – «Великая рукотворная река», «новый Дубай»). Особенно впечатляющей стала реализация проекта по переброске вод из 250 глубоких скважин в пустыне Сахара (оазисы Тазербо и Сарир) на расстояние в 1800 км к прибрежной полосе Триполитании для стабильного водоснабжения сельскохозяйственного производства. В 1970-е гг. часть нефтяных доходов была направлена на создание новых отраслей промышленности, в том

числе металлургической и строительной. Однако значительную часть рабочих на металлургическом комбинате в Мисурате, на предприятиях по производству труб и электрокабелей, на заводе по сборке тракторов и автомобилей составляли не коренные ливийцы, а специалисты и гастарбайтеры из других стран³.

Идеологией ливийского общества была «Зеленая книга», которую М. Каддафи представлял как «третью всемирную теорию»⁴. В соответствии с ней «демократическая система представляет собой прочную и монолитную структуру, каждая ячейка которой имеет надёжную опору в виде первичных народных конгрессов, народных конгрессов и народных комитетов, которые встречаются на заседании Всеобщего народного конгресса»⁵.

Несмотря на стремление ослабить роль трайбализма, М. Каддафи не удалось это сделать даже в самой демократической части своего политического проекта строительства Джамахирии – в выборах народных конгрессов и народных комитетов. В ходе этих выборов постоянно возникали конфликты, связанные с тем, что голосование всегда носило консолидированный характер – по племенному принципу. С учетом того, что все племена имеют сложную иерархическую структуру взаимоотношений друг с другом, даже простые принципы прямой демократии не срабатывали и приводили к конфликтам. Например, если победу на выборах одерживало большинство племени, занимавшего более низкую ступень в иерархии племен, то это вызывало несогласие со стороны представителей племени с более высоким социальным статусом. В результате начинался конфликт, который чаще всего мог быть разрешен только с помощью государственных силовых структур. По мнению крупнейшего отечественного специалиста по Ливии доктора исторических наук А. З. Егорина, знающего страну не только по книгам, но и по работе в советском посольстве в течение пяти лет, использование в Ливийской Джамахирии обычая (рассматриваемого в соответствии с Зеленой книгой как «подлинного закона общества») на основе принуждения наблюдалось повсеместно⁶.

Поэтому «Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия», как официально называлось общественно-политическое устройство Ливии, не могло быть ни чем, кроме как авторитарным государством. Не случайно, что на протяжении четырех десятилетий правления М. Каддафи на него было организовано множество покушений, большая часть из которых подготовлена представителями недоброжелательных племен. По мнению востоковеда Е. Супониной (ссылающейся на данные известного американского журналиста Боба Вудварда), к некоторым из этих покушений приложили руку специалисты по тайным операциям из ЦРУ⁷.

Тем не менее, в результате модернизации всех сфер общественной жизни в стране была создана серьезная система социальной поддержки самых различных слоев населения, прежде всего за счет перераспределения доходов от продажи нефти и газа. Население страны за время правления М. Каддафи утроилось, индекс развития человеческого потенциала в Ливии составлял в 2010 г. 0,755, а ВВП на душу населения – 14878 долл. Уровень грамотности достигал 82% (среди мужчин – 96,5%, один из лучших показателей в регионе). Все ливийцы имели право на бесплатное и качественное медицинское обслуживание, бесплатное образование (в том числе и в зарубежных вузах). Часть аптек обязаны были бесплатно отпускать лекарства. Для многодетных семей функционировала сеть магазинов с символическими ценами на основные продукты питания. Молодожены получали по 60 тыс. долл. на обзаведение жильем, а за каждого ребенка семья получала 7 тыс. долл. Безработная молодежь имела право на ежемесячное социальное пособие в 700 долл. С учетом низких фиксированных розничных цен на многие жизненно важные товары (хлеб, например, стоил менее 1 цента, бензин – 10 центов за литр⁸) это пособие позволяло вести вполне обеспеченное существование.

На значительные успехи режима М. Каддафи в области социальных преобразований указывали многие западноевропейские специалисты. Например, исследователи из Великобритании Д. Бланди и Э. Лайсетт, неоднократно посещавшие Ливию, признавали такие достижения Джамахирии в социальной области, «как повышение реального благосостояния основной массы населения, организация современных систем бесплатного образования и здравоохранения, существенное сглаживание материального неравенства между низшими и высшими категориями экономически активных ливийских граждан, о чем свидетельствует, в частности, сокращение до пяти крат разрыва между минимальными и максимальными годовыми личными доходами в пределах 6–30 тыс. фунтов стерлингов, значительно более узких по сравнению с большинством развивающихся и развитых капиталистических стран»⁹.

Однако существенные положительные социальные итоги правления авторитарного и эксцентричного руководителя Ливии, претендующего на лидерство во всем арабском мире, привели к неоднозначным внутренним последствиям, которые в той или иной степени характерны и для многих других процветающих государств Ближнего Востока. Растущие доходы от продажи нефти и газа, позволяющие обеспечивать высокий уровень жизни без собственных серьезных интеллектуальных, физических и иных затрат, приводят к формированию определенного явного или подспудного массового недовольства существующим положением. Эти настроения

представляют собой своеобразную гремучую смесь, которая при умелом манипулировании становится детонатором революционных антиправительственных выступлений.

Эта смесь формируется в результате распространения высоких потребительских стандартов, обусловленных знакомством с западным образом жизни, а также информационного воздействия Голливуда и других западноевропейских производителей продукции массовой культуры. Важнейшим ее элементом, целенаправленно внедряемым в сознание элиты, становятся также либерально-демократические ценности. Молодежь, получившая образование в американских и западноевропейских университетах, усваивает представление о неразрывности высокого уровня жизни и политических прав и свобод граждан и, соответственно, о несовместимости авторитарных форм правления с социальным прогрессом. Однако эти либеральные ценности накладываются на родоплеменную структуру общества и достаточно прочно укоренившиеся иждивенческие настроения, когда недовольство существующим уровнем жизни связывается с представлением о необходимости устранить существующую авторитарную власть для того, чтобы обеспечить «более справедливое» перераспределение доходов от продажи энергоресурсов. Молодые ливийские граждане не были согласны выполнять непростительные и невысоко оплачиваемые работы (на которые нанимали гастарбайтеров из других государств), но при этом ориентировались на представление о необходимости поделить поровну все государственные доходы от экспорта нефти.

Тем более, что оснований для восприятия Джамахирии как несправедливого политического устройства было предостаточно. По данным А. З. Егорина, большое распространение в стране получили кумовство и протекционизм. «Тема коррупции, казнокрадства, взяточничества не сходила со страниц ливийской печати. Подобные явления охватили весь государственный аппарат, проникли в армию и даже ревкомы, одной из основных обязанностей которых, как отмечал М. Каддафи в момент их создания, «является полное искоренение «дореволюционных болезней»: протекционизма, взяточничества и посредничества»¹⁰.

И вот это «массовое» представление о «несправедливости» властного контроля за ресурсами и источниками дохода становится главной движущей силой «цветной революции». Оно оказывается особенно действенным в том случае, если подогревается существующими в стране родоплеменными, этническими или конфессиональными линиями размежевания и соответствующими противоречиями. Сохранение этих пережитков можно объяснить тем, что на первых порах сторонники Джамахирии явно недооценили «живучесть региональных (провинциальных)

кланово-племенных и этнических особенностей, стойкость пережитков кровно-родственных отношений на всех уровнях и в большинстве сфер социальной организации страны». Поэтому впоследствии Каддафи «учел анахроническое самосознание бедуинов и заложил его в основу своей политической теории»¹¹. Однако именно в этом заключалась и важнейшая предпосылка использования трайбалистского фактора в качестве активизации оппозиционных настроений вождей и использования племен в качестве ключевой силы «цветной революции» для свержения ливийского диктатора. Сделать это было достаточно легко, так как шейхи племен с ностальгией вспоминали период королевской власти, когда они полностью контролировали добычу нефти и газа на подвластных им территориях.

Тем не менее, на наш взгляд, главным условием успешности данной революции стало латентное и открытое вмешательство западноевропейских стран во внутрививийские события. По мнению некоторых исследователей, «с оппозиционными Каддафи кругами Запад не поддерживал практически никаких контактов, и начало восстания в Бенгази оказалось для него полной неожиданностью»¹². Думается, даже если допустить справедливость такого предположения, то это вовсе не означает, что США и их союзники не оказывали никакого воздействия на подготовку оппозиционных настроений внутри Ливии. М. Каддафи вызывал раздражение как своими панарабскими амбициями, так и своей независимой внешней политикой. Еще в 1970-е гг. он активно и открыто поддерживал движение палестинцев в борьбе за создание собственного государства, использовал вооруженные силы в военном гражданском конфликте в Чаде. В 1977 г. на состоявшейся в Ливии конференции арабских государств М. Каддафи стал инициатором резкой критики переговоров президента Египта А. Садата с Израилем, следствием чего стал разрыв дипломатических отношений Ливии с Египтом. М. Каддафи неоднократно выступал с идеей объединения арабских государств в единый союз, или конфедерацию. Определенным практическим результатом стало создание Союза арабского Магриба, в который кроме Ливии вошли Алжир, Марокко, Мавритания и Тунис. Кроме того, Ливия проводила активную инвестиционную политику в различных африканских странах¹³. Более того, М. Каддафи активно продвигал идею замены доллара в качестве международной валюты золотым динаром.

США и их союзники постоянно обвиняли Ливию в поддержке международных террористов. В 1986 г. отношения обострились до такой степени, что по Ливии был нанесен ракетно-бомбовый удар американскими ВВС. В 1987 г. Франция своими вооруженными силами поддержала Чад в территориальном конфликте с Ливией, в результате чего ливийская армия потеряла по-

ражение. После решения Международного суда в Гааге о принадлежности спорных территорий Чаду ливийские войска вынуждены были окончательно отступить. Особенно обострились отношения Ливии с западноевропейскими странами после инцидента со взрывом самолета авиакомпании «Пан-Америкен» в небе Шотландии и обстрелом французского самолета над территорией Нигера в 1989 г. М. Каддафи отказался выдать подозреваемых во взрывах, в результате чего в апреле 1992 г. были приняты резолюции ООН № 731 и № 748, означающие введение экономических санкций против Ливии. Несмотря на некоторые уступки М. Каддафи, санкции продолжались длительное время и нанесли серьезный ущерб социально-экономическому развитию и обеспечению обороноспособности страны (особенно с учетом того, что российские официальные власти в 1990-е гг. следовали в фарватере западноевропейских государств и отказались от поддержки прежних советских внешнеполитических приоритетов, в том числе и в отношении поставок вооружений и запчастей к уже поставленной технике). Поэтому версия об отсутствии поддержки ливийских оппозиционных сил противоречит всему контексту взаимоотношений М. Каддафи с США и их союзниками на протяжении четырех десятилетий его правления.

Более обоснованной представляется точка зрения на события в Ливии и Сирии как «на попытку убрать нелояльно настроенные к Западу арабские режимы под шум гроз “арабской весны”»¹⁴. Эту позицию подтверждает не только очевидное использование апробированных западными политтехнологами методов свержения неугодного правительства, а впоследствии и открытая военная поддержка ливийских оппозиционеров, но и нескрываемый экономический интерес, который попытались реализовать США в данном регионе.

О важнейшей экономической заинтересованности США и их союзников в свержении Каддафи свидетельствуют многие эксперты. Более того, эта страна оказалась на геополитическом пересечении американских и российских интересов. По данным WikiLeaks, одной из причин начала США и Францией кампании в Ливии было стремление не допустить усиления «Газпрома» за счет ливийской нефти. Обозреватель Кевин Холл отмечал, что в результате обострения ситуации в Ливии была сорвана сделка «Газпрома» с крупной итальянской нефтяной компанией Eni, которая позволяла получить серьезную долю добычи ливийской нефти¹⁵.

Особенно важно учитывать именно социально-психологическую подготовку «цветных революций». Она играет ключевую роль в тех странах, в которых реальные социально-экономические предпосылки протестных настроений фактически отсутствовали. Наиболее наглядно данный вариант был реализован в Ливии для

свержения режима М. Каддафи, успешно борového с повстанцами с помощью военной авиации и верных ему воинских подразделений.

О мощной информационной поддержке западных СМИ «ливийских революционеров» свидетельствует тот факт, что в ходе конфликта большая часть зарубежных журналистов находилась в Бенгази и с охотой подхватывали и распространяли на весь мир рассказы «очевидцев» о зверствах, чинимых военнослужащими войск М. Каддафи. Впоследствии всемирно известные правозащитные организации, такие как Amnesty International и Human Rights Watch, так и не смогли обнаружить доказательств самых ужасных из этих преступлений¹⁶.

Не дождавшись успеха от деятельности ливийской вооруженной оппозиции, США и их союзники, а также представители стран Персидского залива 17 марта 2011 г. сумели провалить в Совете Безопасности ООН резолюцию № 1973. В соответствии с ней действия М. Каддафи против повстанцев были квалифицированы «как преступления против человечности». Поэтому были запрещены все полеты над Ливией и санкционированы «любые действия по защите мирных жителей и населенных ими территорий, за исключением ввода оккупационных войск»¹⁷. На практике введение бесполетной зоны для ливийской военной авиации означало «легитимацию» открытого военного вмешательства во внутрививийский конфликт. Когда стало ясно, что ослабление М. Каддафи после авиационных и ракетных ударов коалиционных сил оказалось недостаточным для победы повстанцев, британские десантники из SAS, французский Иностранная легион и катарский спецназ в конце августа были брошены на штурм ливийской столицы¹⁸. М. Каддафи вынужден был бежать в г. Сирт, в котором по наводке западных спецслужб был захвачен повстанцами и убит без суда и следствия.

Диктатор был свергнут, но вместо движения к демократической процветающей Ливии ее народ фактически был ввергнут в состояние перманентной гражданской войны и оказался расколот на племенные образования, враждующие между собой за контроль над нефтеносными районами. Поэтому важнейшим последствием свержения Каддафи (отразившим вторую тенденцию применения стратегии *soft power* и «цветных революций») стали его непредсказуемые последствия для США и особенно их союзников.

Дело не только в том, что декларируемые цели замены диктаторского режима более демократическим не были достигнуты, но и в том, что в ходе «ливийской революции» обозначились и были реализованы крайне противоречивые и антагонистические интересы различных участников международных отношений в этом важнейшем регионе мира. Во-первых, оказалось, что у вождей ливийских племен собственные представления о целях своего прихода к вла-

сти, которые далеки не только от демократических методов, принципов и ценностей, но и от умеренно-авторитарных методов правления свергнутого М. Каддафи. Одним из немногих пунктов согласия враждующих ливийских группировок (который для США является определяющим) стало их негативное отношение к Сирии и России¹⁹.

Во-вторых, обозначились определенные противоречия между Францией, Великобританией и США по поводу участия в силовой акции и установления контроля над ливийскими энергетическими ресурсами. США были недовольны тем, что им на первом этапе пришлось нести основное бремя военной и финансовой нагрузки военной операции, в которой экономические выгоды могли бы достаться прежде всего Парижу и Лондону (например, окруженные в Бенгази повстанцы пообещали Франции в случае своей победы эксплуатацию третьей части газовых месторождений страны).

Наконец, оказалось, что многие страны Персидского залива не довольствуются ролью надежных поставщиков энергоресурсов и политических союзников США и НАТО, а руководствуются своими собственными религиозными, социально-экономическими интересами, политическими амбициями и личностными (не всегда рациональными) факторами. Так, в наибольшем выигрыше в Ливии оказались исламисты, активно поддерживаемые соседним Катаром, у которого к М. Каддафи были не только политические и социально-экономические претензии, но и желание поквитаться за публичную шутку ливийского лидера по поводу избыточного веса больного сахарным диабетом катарского эмира, которая была воспринята последним как личное несмыслимое оскорбление. Поэтому «арабская весна» принесла совсем не те результаты, на которые надеялись лидеры западноевропейских стран.

Подводя итог, можно констатировать, что использование фактора трайбализма в подготовке и осуществлении «цветных революций» со стороны США и их союзников играет двоякую и диалектически противоречивую роль. С одной стороны, наличие родоплеменных отношений, соответствующих культурно-бытовых или культурно-религиозных линий размежевания в тех или иных странах, или их доминирование на отдельных территориях полиэтничных государств создает благоприятную среду для формирования оппозиционных настроений по отношению к «неудобному» правительству. В этом случае создание институализированных предпосылок для использования технологии «цветных революций» не является определяющим фактором, а носит, скорее, инструментальный, вспомогательный характер. Ключевой институализированной силой в этом случае выступают традиционалистские связи, консолидирующие племенные

общества вокруг их вождей, шейхов и других представителей племенной знати. То есть сфера целенаправленного воздействия для формирования оппозиционных настроений значительно сужается. Поэтому она не требует тех значительных финансовых и организационных ресурсов и затрат, которые необходимы для подготовки такой революции в странах, в которых отсутствует фактор трайбализма (как, например, на Украине). Нет такой необходимости в масштабной и достаточно длительной предварительной информационной, идейно-мировоззренческой и пропагандистской обработке не только оппозиционной элиты, но и определенных социальных групп, которые смогли бы выступить социальной базой и активной движущей силой для демонстрации массовости протестов. Достаточно либо подкупить племенную верхушку (либо ее отдельных представителей), либо умело использовать и разжигать уже имеющееся недовольство центральным правительством в результате «ущемления» или ограничения их прав полновластно контролировать население и ресурсы на территории своего племени.

С другой стороны, отсутствие предварительной идеологической обработки и наличия хотя бы формально консолидированной программы согласованных демократических преобразований приводит к тому, что представление вождей племен о постреволюционных целях существенно отличается от тех, которые публично декларируют «мировому общественному мнению» официальные лица и общественные деятели западноевропейских стран в своей поддержке протестных действий, направленных на свержение «диктаторских режимов». Вместо внедрения ценностей и институтов демократии на поставторитарном пространстве племенные вожди начинают борьбу за установление своего полновластного контроля на основе архаических племенных традиций над важнейшими ресурсами на территории бывшего единого государства, вступающая в жесткую борьбу с другими племенными кланами. В этом случае целенаправленное политическое объединение союзников по оппозиции, активно поддерживаемое США и их союзниками, оказывается мертворожденным либо формальным декоративным институтом.

Альтернативой ему в арабском мире (так же как и во многих других странах) становятся идеи объединения на основе радикального ислама. Потенциал данных группировок западноевропейские страны нередко использовали в качестве ядра вооруженной оппозиции для свержения негодных политических режимов²⁰, рассчитывая впоследствии, после победы, оттеснить их на периферию новой «демократической системы» с помощью своего целенаправленного влияния на основе финансовой, экономической, технологической, военной и иной поддержки. Однако опыт Афганистана, Ирака, Сирии, Ливии и многих

других стран свидетельствует, что сторонники радикального ислама с их идеей создания всемирного халифата представляют собой грозную военно-политическую силу. Очевидно, что провалился стратегический расчет США на то, что взращенное ими движение Талибан и другие радикальные группировки смогут стать временными марионетками, предназначенными «таскать каштаны из огня» и быть «пешками» в сложной геополитической игре, реализуя национальные интересы США и их союзников в различных регионах мира.

Для современной России наличие элементов родоплеменных отношений во многих национальных республиках хотя и не столь очевидно, как в арабском мире, но, тем не менее, несет в себе серьезную потенциальную угрозу в случае целенаправленного внешнего воздействия и активизации данного фактора. В условиях обострения внешнеполитической ситуации, связанной с кризисом на Украине и активизацией международного терроризма, особенно важно найти золотую середину между объективной необходимостью и значимостью целенаправленного формирования общенациональной идентичности и такой же важностью сохранения культурного и религиозного своеобразия всех российских народов.

Примечания

- 1 Сундиев И. «Управляемый хаос». Социальные технологии в массовых беспорядках // Свободная мысль. 2012. № 7–8. С. 95.
- 2 Шарп Д. От диктатуры до демократии. URL: <http://ravroz.ru/files/sharpotdic.pdf> (дата обращения: 13.10.2014)
- 3 Нехватка квалифицированных национальных кадров заставляла покрывать 55% потребностей национальной экономики за счет привлечения зарубежных специалистов, на оплату труда которых расходовалось около 10% валового национального дохода (См.: Егорин А. З. История Ливии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. С. 320).
- 4 Исследователи биографии М. Каддафи и его идеологии отмечали интерес ливийского лидера к теоретическому наследию западноевропейских мыслителей от Ж. Ж. Руссо и Ш. Л. Монтескье и до Ж. П. Сартра, а также к наследию российских революционеров от анархистов М. Бакунина и П. Кропоткина и до В. И. Ленина (См.: Полонская Л. Р., Вафа А. Х. Восток: идеи и идеологии. М.: Наука, 1982).
- 5 Муаммар Аль-Каддафи. Зеленая книга. URL: http://konzeptual.ru/downloadable/559/alkaddafi_muammar_zelenaya_kniga.pdf (дата обращения: 06.01.2015).
- 6 См.: Егорин А. З. Указ. соч.
- 7 См.: Бунтующая Ливия. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/svoi-glaza/758807-echo/> (дата обращения: 11.01.2015).
- 8 См.: Кровавая весна в пустыне // Эксперт. 2012. № 30–

- 31 (813), 30 июля. URL: <http://expert.ru/expert/2012/31/krovavaya-vesna-v-pustyine/> (дата обращения: 29.12.2014).
- ⁹ Цит. по: *Егорин А. З.* Указ. соч. С. 327.
- ¹⁰ Там же. С. 321.
- ¹¹ Там же. С. 480–481.
- ¹² *Труевцев К. М.* «Арабская весна» – ход, акторы, технология и промежуточные итоги // *Полития*. 2012. № 1(64). С. 29.
- ¹³ Общий объем экономической помощи Ливии 23 странам Африки в 1985 г. оценивался в 600 млн долларов (См.: *Егорин А. З.* Указ. соч. С. 384).
- ¹⁴ *Фитуни Л. Л.* «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 1. С. 5.
- ¹⁵ См.: Цель НАТО – отрезать Россию от ливийской нефти. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2011-05-16/Cel-NATO-otrezat-Rossiyu-ot> (дата обращения: 11.01.2015).
- ¹⁶ См.: *Кокберн П.* Не стоит верить всему, что вы видите и читаете о Каддафи («The Independent», Великобритания). URL: <http://za-kaddafi.org/node/6047> (дата обращения: 10.01.2015).
- ¹⁷ См.: Резолюция Совбеза ООН по Ливии № 1973. URL: <http://polit.ru/article/2011/03/24/unsc/> (дата обращения: 29.12.2014).
- ¹⁸ Кровавая весна в пустыне // «Эксперт» № 30–31 (813), 30 июля 2012. URL: <http://expert.ru/expert/2012/31/krovavaya-vesna-v-pustyine/> (дата обращения: 29.12.2014).
- ¹⁹ См.: *Панкратенко И.* Ливийский хаос и его неуправляемый джинн. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1882932.html> (дата обращения: 09.01.2015).
- ²⁰ Например, значительная часть оппозиционных ливийских лидеров проживала за рубежом и не скрывала своих радикально исламских взглядов (См.: Востоковед Елена Супонина – о будущем Ливии. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24310353.html> (дата обращения: 11.01.2015).

УДК 328.36

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ РОССИЯ – КИТАЙ: ОЦЕНКИ И СТРАХИ ЗАПАДА И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ «АТЛАНТИСТОВ»

Ж. В. Болтачева, А. К. Магомедов

Ульяновский филиал РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: armagomedov@gmail.com

В статье анализируются ключевые аспекты «азиатской энергетической политики» современной России в зеркале новейших политических дискуссий, рассматриваются такие аспекты, как природа российско-китайского энергетического диалога в контексте экономических санкций Запада против российской экономики, антикитайская информационная паранойя, вызванная комплексами и страхами западных СМИ и отечественных либерал-«атлантистов». **Ключевые слова:** энергодIALOG Россия – Китай в XXI в., поворот на Восток, политический дискурс, антикитайская паранойя.

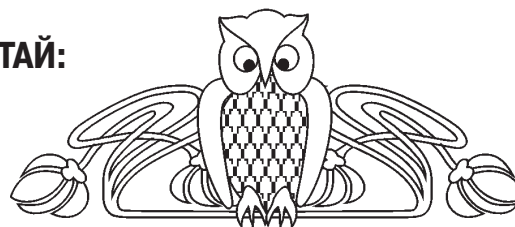
Energy Dialogue Russia – China: Interpretations and Fears of the West and the Russian «Atlantists»

G. V. Boltacheva, A. K. Magomedov

This article offers an information and ideological outlook on Russian «Turn to the Asia», analyze the key issues of Russia-China energy co-operation in the XXI Century in terms of modern Russian and Western political discussion. In this paper scrutinize a few aspects of this topic: the debates on nature of current Russian-Chinese energy dialogue in context of Western sanctions against Russia; «Turn to the East» of the Russian energy diplomacy and role of ideological discussions on this policy.

Key words: energy dialog Russia – China in the XXI century, turn to the East, political discourse, anti-Chinese information policy.

Активная фаза российско-китайского нефтегазового сотрудничества насчитывает более десяти лет. Начало было положено в 2004 г.,

когда «Роснефть» получила деньги от китайских властей на приобретение активов разгромленного «ЮКОСа». Подписав контракт с «Роснефтью», китайцы представили российской стороне единовременно 6 млрд долл. В ответ китайская сторона через свою государственную нефтегазовую компанию «China National Petroleum Corp» (CNPC) получила 48,4 млн тонн российской нефти. В марте 2006 г. в ходе визита В. Путина в Китай было подписано несколько меморандумов в области поставок в КНР российских энергоресурсов. Наконец, в мае 2014 г. в Шанхае подписано соглашение о поставках российского газа в КНР. Россия объявила о сделке в размере 400 млрд долл. на поставку 38 млрд кубометров газа в Китай ежегодно и в течение 30 лет начиная с 2019 г. В Москве рассчитывают, что данный шаг обеспечит Россию альтернативным газовым рынком на фоне испорченных из-за украинского кризиса отношений с Европой. Хотя точная цена в торговле газом остается тайной, кажется, что Россия пошла на серьезные уступки после десяти лет переговоров, чтобы обеспечить успех этой сделки. Данные факты придают дополнительный стимул развитию «стратегического партнерства» между двумя странами. Многих влиятельных политиков и аналитиков Запада серьезно тревожит такое развитие событий.

В данной статье исследуется политический дискурс, в рамках которого вырабатывались